В то время на том конце провода Бай Фу, встретивший человека, участливо спросил:

— Ну как, они тебя не обижали?

— Нет, братец Фу, во всём разобрались. Оказалось, один из посетителей чайной «Северо-Восточный тигр» — смертный даос. Ему стало скучно во время уединения для культивации, вот он и вышел погулять вне тела, да случайно забрёл в ту чайную, — объяснил Бэй Иньли.

— Что? Даос тоже ходит в чайную «Северо-Восточный тигр» смотреть эротические танцы? Позор для даосизма, падение нравов! Погоди, я пойду жаловаться прародителям Саньцина! — гневно произвел Бай Фу.

— И правда, ума-то чуть, а сердце даоса неустойчиво. И впрямь стоит пожаловаться прародителям Саньцина, пусть как следует навострят уши их последователям, — поддакнул Бэй Иньли, а затем вежливо добавил:

— Но, братец Фу, Управление по делам божеств действовало по закону и меня не обижало, так что давай мы не будем…

— Не переживай, у меня нет времени ходить разбираться с Управлением по делам божеств. Поехали домой, Чжу Да и Чжу Эр наготовили целый стол вкуснейших блюд, ждут не дождутся, чтобы устроить тебе пышный приём!

— Старый Бай, жёнушка, вы оба вернулись? Письмо от адвоката и счёт я уже отправил в Управление по делам божеств. Если они не возместят…

— На ваш счёт в Алипэй зачислено десять миллионов!

Ли Нэчжа ещё не успел договорить, как у Бай Фу в кармане раздался звонок с голосовым оповещением: на счёт в Алипэй поступило десять миллионов.

— Да ладно, с каких это пор Управление по делам божеств стало таким сговорчивым? Такая сумма — и выплатили по первому требованию? Такая щедрость, судя по всему, я ещё мало запросил, — с сожалением протянул Ли Нэчжа.

— Ладно, человек вернулся, деньги тоже на счету, дело закрыто. Все за стол, после ужина у меня ещё будут дела, — поторопил всех Бай Фу.

Закончив ужин, Бай Фу не захотел ждать ни секунды и прямиком направился в Даосский храм Саньцин, чтобы пожаловаться трём почтенным небожителям.

— Ого, не Бай Фу ли это? Какими судьбами в нашей скромной обители? За услугами

пожаловал? — с добродушной улыбкой произнёс Юйцин Юаньши-тяньцзунь.

— Десять юаней за благовония, двадцать за свечи, тридцать за петарды, — холодно выпалил Тайинь Юаньши-тяньцзунь.

— А? Разве сейчас не борются за экологию и не запрещают курить, а запускать фейерверки и петарды и вовсе нельзя? — удивился Бай Фу.

— Мы запускаем электронные петарды — только ради звука, и экологии никакого вреда, — ответил Тайцин Даодэ-тяньцзунь.

— И за один только звук тридцать юаней? В соседнем Монастыре Шаолинь всего десять! — в Бай Фу взыграл его внутренний прижимистый тигр, и он с неохотой и хмурым недоверием вопросительно посмотрел на них.

— Эх, Бай Фу, ты крупный предприниматель и не понимаешь нашей храмовой нищеты и убожества. Мы всем сердцем преданы чистому самосовершенствованию и всецело отдаём себя академическим исследованиям даосизма — совсем не то что соседи-буддисты из Монастыря Шаолинь, которые ослеплены жаждой наживы и уже открыли компанию и вышли на биржу! Наш даосский храм живёт исключительно на эти деньги от благовоний, — презрительно бросил Юйцин Юаньши-тяньцзунь при упоминании Шаолиня.

— Ладно, пусть тридцать так тридцать.

Сначала — вежливость, потом — оружие. Бай Фу решил сначала возжечь благовония, а уже потом высказать трём патриархам всё о выходках их учеников и последователей.

— Босс Бай пожаловал сегодня явно не только для того, чтобы почтить нас, трёх стариков, благовониями? — прямо спросил Тайинь Юаньши-тяньцзунь.

Закончив воскуривать благовония, Бай Фу устроился поудобнее и ответил:

— И то верно. Не подскажут ли почтенные небожители, не слыхали ли о молодом даосе по имени Уцзи?

— О? Уцзи-то! Конечно, знаем. Он двести первый ученик школы Чжэнъи нашего даосского учения, очень одарённый малый. Я даже являлся к нему во сне, чтобы велеть его учителю принять его, — наперегонки затараторил Юйцин Юаньши-тяньцзунь, переполненный гордости.

— Поимей совесть, старый хрыч! Я обнаружил его первым, если бы ты не подсыпал кофеин мне в чай, то это я бы явился ему во сне и взял в ученики! — гневно запротестовал Тайинь Юаньши-тяньцзунь.

— Ты первый обнаружил? Да я увидел его раньше всех, понимаешь? Если бы я не указал вам двоим на этого человека, разве вы смогли бы заметить Уцзи? Как ни крути, заслуга в открытии этого самородка должна принадлежать мне — я первый его разглядел! — возмутился Тайцин Даодэ-тяньцзунь.

— Тьфу! Какая польза от того, что ты просто на него посмотрел? Его талант первым разглядел я! — возразил Тайинь Юаньши-тяньцзунь.

Три старых даоса принялись препираться из-за этого выдающегося ученика. Глядя на то, как они гордятся этим юным даосом, Бай Фу даже не решался продолжать — суровая правда была слишком жестока.

— Ладно, три почтенных предка, раз вы признаёте его своим последователем, и ладно, — сказал Бай Фу.

Юйцин Юаньши-тяньцзунь:

— Каким это «вашим»! Моим! Это я являлся во сне и помог Уцзи найти учителя!

Таййинь Юаньши-тяньцзунь:

— Тьфу! Являлся он во сне! Если бы я не обнаружил его талант, стал бы ты ему сниться? Он должен принадлежать к моей ветви!

Тайцин Даодэ-тяньцзунь:

— Тьфу на вас обоих! Это я первый увидел Уцзи, и если бы не я, вы бы вообще не знали о существовании такого человека! Он должен принадлежать к моему направлению!

Три патриарха снова завели бесконечный спор о том, к чьей же школе должен относиться Уцзи.

— Хватит! Мне всё равно, чьей он ветви, раз он из вашего даосизма — вам за него и отвечать, — прервал их перепалку Бай Фу.

— Босс Бай, Уцзи — из моей ветви, все вопросы по его душу — ко мне, — заявил Юйцин Юаньши-тяньцзунь.

— Старый хрыч, какая же это твоя ветвь? Он принадлежит к моей школе, и я имею больше всех прав разбираться с делами Уцзи! — гневно запротестовал Тайинь Юаньши-тяньцзунь.

— И не твоя это ветвь, и тем более не твоя, а моя! Я первый увидел Уцзи. Босс Бай, по поводу Уцзи можете смело обращаться ко мне, — торопливо перехватив инициативу, подскочил к Бай Фу Тайцин Даодэ-тяньцзунь.

— Ладно-ладно! Слушайте все трое! — потерял терпение Бай Фу.

— Этот молодой даос Уцзи умом не вышел: прямо посреди медитации в уединении его душа покинула тело, и он отправился в сомнительную чайную глазеть на танцы юных девиц. Из-за него мою жену забрали люди из Управления по делам божеств и продержали взаперти полдня, да и бизнес в моей чайной изрядно пострадал. И как, по-вашему, нам теперь с этим быть?

Дорогие читатели, эта глава ещё не закончена, пожалуйста, нажмите на следующую страницу, чтобы продолжить чтение, впереди вас ждёт ещё много интересного!

Бай Фу умолк.

Юйцин Юаньши-тяньцзунь: «……»

Таййинь Юаньши-тяньцзунь: «……»

Тайцин Даодэ-тяньцзунь: «……»

Выходит, Бай Фу пришёл вовсе не хвалить их, а предъявлять счёт!

Три патриарха вдруг разом онемели.

Добрую половину минуты Юйцин Юаньши-тяньцзунь заикаясь выдавливал из себя слова:

— На самом деле… этот Уцзи, его ведь нельзя назвать моим учеником. В конце концов, это Тайинь своими глазами прозрел его талант. По идее, Тайинь — главный благодетель Уцзи, можно сказать, его самый прямой патриарх-наставник. Так что с этим вопросом обращайтесь к нему, а мне ещё нужно медитировать, так что я… я… я… вынужден вас покинуть…

— Старый хрыч, теперь-то не признаёшь! И не думай перекладывать всё на меня! Это ведь ты являлся Уцзи во сне и помогал ему искать наставника, так что по прямой линии этот внучатый ученик никак не может достаться мне! Босс Бай, с Уцзи вам точно не ко мне, ведь не я один его обнаружил и не я являлся ему во сне, чтобы помочь сыскать учителя. Кто угодно может брать Уцзи на поруки, но только не я самый первый.

Тайинь Юаньши-тяньцзунь поспешил откреститься от проблемы.

Бай Фу посмотрел на этих двух старых даосов, перекидывающих мяч друг другу, а затем перевёл взгляд на Тайцин Даодэ-тяньцзуня.

— Босс Бай, вы на меня так не смотрите. Я его только увидел первым, но ни таланта у него не открывал, ни во сне учителей не помогал искать. К тому же, до меня столько людей, демонов и бессмертных повидали Уцзи — не может же быть, чтобы тот, кто первый его заметил, автоматически становился его прямым пращуром-наставником? Короче говоря, до меня эта прямая линия пращуров точно дойдёт не скоро, вы… вы… вы к мне не обращайтесь, — с бегающими глазами пробормотал Тайцин Даодэ-тяньцзунь.

— Ладно-ладно, решили в футбол со мной сыграть, значит!

— Раз уж никто из вас троих брать ответственность не желает, тогда я сам как следует проучу этого паршивца! — не церемонясь, заявил Бай Фу.

Юйцин Юаньши-тяньцзунь:

— Эй! Постои!

Таййинь Юаньши-тяньцзунь:

— Эй! Постои!

Тайцин Даодэ-тяньцзунь:

— Эй! Постои!

http://bllate.org/book/20249/2019103